

На правах рукописи

РУНГ Эдуард Валерьевич

**ПЕРСИДСКИЙ ФАКТОР
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ГРЕЦИИ
в VI – IV вв. до н.э.**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история
(История древнего мира)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Казань – 2008

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира и средних веков исторического факультета ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина» и кафедре истории древней Греции и Рима исторического факультета ГОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Научный консультант	доктор исторических наук, профессор Фролов Эдуард Давидович
Официальные оппоненты	доктор исторических наук Карнюк Сергей Георгиевич доктор исторических наук, профессор Строгецкий Владимир Михайлович доктор исторических наук, профессор Пьянков Игорь Васильевич
Ведущая организация	ГОУ ВПО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

Защита состоится 19 февраля 2009 г. в ____ час. на заседании диссертационного совета Д.212.081.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук в Казанском государственном университете по адресу: 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18, 2-й учебный корпус, ауд. 1113.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 35.

Автореферат разослан «____» января 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Д.Р. Хайрутдинова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Персидская держава Ахеменидов была могущественным восточным соседом многочисленных греческих полисов, как собственно Балканского полуострова, так и других частей Средиземноморского мира. Отношения с Персией на протяжении двухвекового периода оставались одним из важнейших и часто приоритетных направлений внешней политики для многих греческих полисов, в особенности же претендовавших на ведущую роль в Элладе – Спарты, Афин, Фив. Отношения с персами в указанный период, разумеется, не могли пройти бесследно для греков. Они оказывали существенное влияние на общественно-политическую жизнь греческих полисов, массовое сознание и идеологию греков, вызывая известный резонанс.

Греко-персидские отношения не были обойдены вниманием исследователей, причем как антиковедов-эллинистов, так и востоковедов. По этой теме написаны многочисленные научные труды – обобщающего характера и посвященные рассмотрению более частных вопросов. Однако хотелось бы обратить внимание на некоторую односторонность, присущую большинству исследований греко-персидских отношений в историографии. Во-первых, во многих обобщающих работах, как по греческой, так и по персидской истории, в основном представлено событийное изложение истории взаимоотношений греческого мира и Ахеменидской державы без попыток какого-либо значимого концептуального осмысления. Во-вторых, за редким исключением, в центре внимания историков находились военные конфликты греков и персов. Взаимная враждебность признается едва ли не главной составляющей греко-персидских отношений на протяжении всего периода их существования, которые, как считают, начались с Греко-персидских войн и нашли свое завершение в ходе восточных походов Александра Македонского.

Конечно, никто не будет отрицать, что именно войны между греками и Персией были одними из наиболее важных проявлений греко-персидских политических отношений – важными, однако далеко не единственными. В конечном итоге, войны были всего лишь только эпизодами, пусть и наиболее значительными, в двухвековой истории греко-персидских отношений.

Поэтому в последние десятилетия традиционный подход к рассмотрению греко-персидских отношений как военной конфронтации претерпел существенные изменения, что было связано с обращением исследователей к истории дипломатических отношений в «межвоенный период», – от Греко-персидских войн – до походов Александра, а также с особым вниманием к изучению социокультурных контактов греческого мира и Персии.

Зарождение этой новой парадигмы в исследовании греко-персидских отношений следует закономерно относить к последним десятилетиям

XX века. Она характеризуется стремлением исследователей отойти от устоявшихся стереотипов и предложить новые трактовки темы. Этому направлению исследований присуще, с одной стороны, восприятие отношений греков и Персии не как продолжительного военного конфликта, но как взаимодействия, с другой стороны, – комплексный анализ античных и восточных источников¹.

Идея взаимодействия греков и персов и отрицание непримиримого характера их конфронтации стала находить все большее подтверждение в тех работах исследователей, в которых рассматриваются не только греко-персидские политические, но и социокультурные контакты. Прежде всего, эта новая парадигма в исследовании греко-персидских отношений представляется наиболее адекватно отражающей историческую реальность. Достаточно вспомнить о десятках греков, которые находились при дворе Великого царя и сатрапов, тысячах эллинов, которые служили наемниками в Персидской державе, и, наконец, так называемом феномене мидизма – добровольном сотрудничестве греков с персами в V в. до н.э.² И все эти факты, конечно, не в полной мере укладываются в упрощенную схему «персы – исконные враги греков», кстати, впервые возникшую после Греко-персидских войн и более всего представленную в рамках доктрины панэллинизма в первой половине IV в. до н.э.

Таким образом, на мой взгляд, следует говорить о двух основных парадигмах исследования взаимоотношений греков и Ахеменидской Персии в историографии, с одной стороны, как продолжительного двухвекового конфликта, с другой, – как взаимодействия. Причем, вполне очевидной является тенденция поиска нестандартных подходов к теме греко-персидских отношений, отхода от прежних устоявшихся стереотипов. Впрочем, следует со всей определенностью подчеркнуть, что эта тенденция фактически присуща современной исторической науке в целом и в этом случае изучение отношений греческого мира и Персии вполне соответствует этой отмеченной тенденции.

Далее, следует заметить, что при исследовании греко-персидских отношений необходимо по возможности избегать «крайностей» обеих парадигм: как абсолютизировать характер греко-персидского антагонизма, так и отрицать сам факт существования взаимной вражды (последняя, однако, была присуща далеко не всем греческим полисам, а только тем, которые выступили против персов в начале V в. до н.э., и среди них, прежде всего, – Афи-

¹ Эта новая тенденция нашла отражение на конференции в г. Ренне (Франция) в сентябре 2004 г., одна из секций которой называлась: «Греки и Персия: реакции и рецепции» (Persian Responses. Political and Cultural Interaction with(in) the Achaemenid Empire / Ed. by C.J. Tuplin. – Swansea, 2008), а также конференции в Афинах в ноябре 2006 г., специально посвященной эллино-иранским контактам.

² Об этом см. специально нашу статью: Рунг Э.В. Феномен мидизма в политической жизни классической Греции / Э.В. Рунг // Вестник древней истории. – 2005. – № 3. – С. 14 – 35.

нам и Спарте; но даже в позиции этих двух полисов к Персии наблюдаются некоторые различия, которые зависели от конкретной ситуации в Греции).

Исследование греко-персидских отношений представляется наиболее плодотворным через обращение к развитию собственно взаимных дипломатических контактов. Дипломатическая деятельность греческих полисов и Персидской державы выражалась в оживленных переговорах, обмене посольствами, созыве конференций, заключении договоров³. Именно дипломатия во многом способствовала поддержанию своеобразного «равновесия сил», *status quo*, в греко-персидских отношениях, – от завершения собственно Греко-персидских войн и до восточных походов Александра Македонского⁴. Дипломатия выступала средством достижения греками и персами своих внешнеполитических целей, которые в свою очередь, зависели от многих факторов, в том числе и от политической ситуации как в самом эллинском мире, так и в Персидской державе. Рассмотрению непосредственно военных действий, особенно в период Греко-персидских войн, в работе уделяется меньшее внимание. Однако, такой подход оправдан. Он объясняется тем, что военный аспект греко-персидских отношений в историографии изучен гораздо лучше и основательнее, чем аспект дипломатический. Исключение делается, разве только, для спартано-персидской войны начала IV в. до н.э., которая сравнительно реже Греко-персидских войн попадает в поле зрения современных исследователей. Другая проблема, которая требует своего исследования – это влияние отношений с Персией на общественно-политическую жизнь эллинов. В связи с этим следует говорить о тесной взаимосвязи внутренней и внешней политики. Занимаясь изучением греко-персидских отношений, нельзя не рассматривать также внутривнутриполитические факторы, которые определяли те или иные действия во внешнеполитической сфере. И действительно, на всем протяжении развития отношений греческих полисов и

³ О роли дипломатии в древнем мире см.: *Сергеев В.С.* Дипломатия в древние века / В.С. Сергеев // История дипломатии / Под ред. В.П. Потемкина. – М., 1941. – Т. 1. – С. 16. О специфике дипломатии древних греков: *Mosley D.J.* Envoys and Diplomacy in Ancient Greece / D.J. Mosley. – Wiesbaden. 1973. – P. 1 – 3; *Adcock F.* Diplomacy in Ancient Greece / F. Adcock, D.J. Mosley. – L., 1975. – P. 9 – 13; *Жигунин В.Д.* Международные отношения эллинистических государств в 280 – 220 гг. до н.э. / В.Д. Жигунин. – Казань, 1980. – С. 48 – 59; *Кащеев В.И.* Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 220 – 146 годах до н.э. / В.И. Кащеев. – М., 1993. – С. 199 – 240. См. также наиболее полное и обстоятельное исследование дипломатических миссий в греческом мире: *Kienast D.* Presbeia, griechisches Gesandtschaftswesen / D. Kienast // RE. – 1973. – Suppl. 13 (zum 22 Bd.). – Sp. 499 – 628.

⁴ О концепции «равновесия сил» в применении к истории древнего мира см.: *Тревес П.* Проблема политического равновесия в классической античности / П. Тревес. – М., 1970. – С. 3 – 30. О равновесии сил в греко-персидских отношениях см. нашу публикацию: *Rung E.* War, Peace and Diplomacy in Graeco-Persian Relations from VIth to IVth century BC. / E. Rung // War and Peace in Ancient and Medieval History / Ed. by Ph. de Souza and J. France. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – P. 28 – 50.

Ахеменидской державы можно наблюдать далеко неоднозначное отношение тех или иных политических групп и/или личностей внутри полиса к Персии. Как показано в диссертации, с началом греко-персидских контактов в первой половине VI в. до н.э. в греческом мире ширилось движение мидизма, приверженцы которого отстаивали политику сотрудничества с Персидской державой Ахеменидов – от военно-политического союза с персами против других греков и до непосредственно подчинения царю. Между тем, даже после осуждения мидизма «патриотическими» греками после отражения персидского вторжения, это явление не исчезло и в течении всего оставшегося периода греко-персидских отношений проблема отношения с Персией периодически оказывалась на повестке дня в греческих полисах. В период Пелопоннесской войны и в IV в. до н.э. сотрудничество с Персией в ведущих греческих полисах, таких как Афины и Спарта, было возведено в ранг государственной политики. И именно такая политика зачастую вызывала протесты со стороны отдельных представителей греческой политической и интеллектуальной элиты до тех пор, пока в рамках созданной усилиями македонских царей Филиппа II и Александра Македонского державы сотрудничество с персами вновь не было приравнено к измене идеям панэллинизма.

Объектом исследования являются греко-персидские политические отношения. **Предмет** исследования – их роль во внешней и внутренней политике греческих полисов.

Степень научной разработанности темы. Греко-персидские отношения и их роль во внешней и внутренней политике греческих полисов изучались в мировой историографии нового и новейшего времени далеко неравномерно.

Различные аспекты темы разрабатывались главным образом либо в обобщающих трудах по греческой или же персидской истории, либо же в отдельных статьях, порой довольно многочисленных, посвященных изучению той или иной частной проблемы.

Специальных работ по теме исследования немного.

У истоков специализированного изучения греко-персидских отношений стоял немецкий исследователь XIX в. Вальтер Юдаих, который в своей монографии «Малоазийские исследования» рассматривал отдельные вопросы истории взаимоотношений греков и персов в IV в. до н.э.⁵ Это исследование оставалось единственным трудом по истории греко-персидских отношений до появления работы английского историка Д.М. Льюиса⁶.

Работа Д.М. Льюиса «Спарта и Персия», представляющая собой переработанный цикл лекций, прочитанный автором в университете

⁵ *Judeich W.* Kleinasiatischen Studien. Untersuchungen zu griechisch-persischen Geschichte des IV Jahrhunderts v.Ch. / W. Judeich. – Marburg, 1892.

⁶ *Lewis D.M.* Sparta and Persia. Lectures delivered at the University of Cincinnati, autumn 1976 in memory of Donald W. Bradeen / D.M. Lewis / Cincinnati Classical Studies. – № 1. – Leiden, 1977.

г. Цинциннати (США) в 1976 г., во многих отношениях стала новаторской. В ней автор детально рассматривает события в непродолжительный период конца V – начала IV в. до н.э., когда ведущая роль в греко-персидских отношениях принадлежала именно взаимным дипломатическим контактам, и это обстоятельство позволило исследователю по новому взглянуть на характер контактов греческих полисов и Персии, отойти от стереотипных представлений о них как перманентной военной конфронтации. К сожалению, блестяще написанная, с привлечением не только античных, но и восточных источников, работа Д.М. Льюиса охватывает хронологически лишь небольшой период времени; в ней не уделяется какого-либо значительного внимания истокам греко-персидских отношений, а все изложение материала фактически завершается Анталкидовым миром 386 г.

Но перспективный подход к исследованию темы греко-персидских отношений, намеченный Д. Льюисом, получил некоторую поддержку в современной историографии.

Несколько лет назад соотечественник Д. Льюиса, известный английский антиковед Дж. Коуквелл опубликовал монографию «Греческие войны. Неудача Персии»⁷. Однако, несмотря на свое название, эта работа едва ли может претендовать на то, чтобы считаться обобщающим исследованием по теме. Автор порой не предлагает своему читателю последовательного и связного изложения событий (как, например, это делали другие исследователи, в том числе и Д.М. Льюис), но сосредотачивается главным образом на ключевых и наиболее дискуссионных проблемах. И этот «недостаток» является продолжением достоинств книги, поскольку позволяет высветить те аспекты темы, которые в ином случае несомненно отошли бы на задний план и «утонули» бы в обилии материала. Книга охватывает историю взаимоотношений греческого мира и персидской державы Ахеменидов со второй половины VI в. до н.э. до времени Александра Македонского.

Среди обобщающих трудов по истории Греции следует назвать работы, созданные представителями историографии XIX – начала XX в. (Дж. Гротом, Эд. Мейером, К.Ю. Белохом, Г. Глотцем)⁸, а также произведения исследователей XX в. (Эд. Виля, Р. Сили, С. Хорнблауэра, П. Родса и др.)⁹. К этой же группе можно отнести исследования, посвященные отдельным, наиболее значимым событиям и явлени-

⁷ Cawkwell G.L. The Greek Wars. The Failure of Persia / G.L. Cawkwell. – Oxford, 2005.

⁸ Grote G. A History of Greece / G. Grote. – L., 1846–1856. – Vol. 1 – 12; Meyer Ed. Geschichte des Altertums / Ed. Meyer. – 4 Aufl. – Stuttgart, 1958. – Bd. 3 – 5; Beloch K.J. Griechische Geschichte / K.J. Beloch. – 2 Aufl. – Berlin; Leipzig, 1922, 1927. – Bd. 2 – 3; Glotz G. Histoire Grecque / G. Glotz. – P., 1925–1931. – T. 1 – 2.

⁹ Will Ed. Le monde grec et l'Orient / Ed. Will. – P., 1972. – T. 1; Sealey R. A History of the Greek City-States c. 700 – 338 BC. / R. Sealey. – Berkeley, 1976; Hornblower S. The Greek World, 478 – 423 BC. / S. Hornblower. – L., 1983; Rhodes P. A History of the Classical Greek World, 478 – 323 BC. / P. Rhodes. – Oxford, 2006.

ям греческой истории: Греко-персидским войнам¹⁰, Афинскому морскому союзу¹¹, Пелопоннесской войне¹², Коринфской войне¹³, в целом, событиям греческой истории IV в. до н.э.¹⁴, исторические комментарии к Геродоту¹⁵, Фукидиду¹⁶, Оксирихскому историку¹⁷, Диодору Сицилийскому¹⁸, Плутарху¹⁹. Среди многочисленных работ, посвященных древнеперсидской истории, в которых отношения с греками по большей части рассматриваются под персидским углом зрения, следует отметить монографические исследования А. Олмстэда, Дж. Кука, В. Фогельзанга, П. Бриана, Й. Визехофера²⁰, статьи, посвященные различным

¹⁰ См., например: *Grundy G.B.* The Great Persian Wars / G.B. Grundy. – L., 1901; *Burn A.B.* Persia and the Greece. The Defense of the West / A.B. Burn. – L., 1962; *Hignett C.* Xerxes' Invasion of Greece / C. Hignett. – Oxford, 1963; *Lazenby J.F.* The Defense of Greece 490 – 479 BC. / J.F. Lazenby. – Warminster, 1993; *Balcer J.M.* The Persian Conquest of the Greeks (545 – 450 BC.) / J.M. Balcer. – Konstanz, 1995; *Green P.* The Greco-Persian Wars: Year of Salamis, 480 – 479 BC. / P. Green. – Berkeley, 1996.

¹¹ *Meiggs R.* The Athenian Empire / R. Meiggs. – Oxford, 1972; *Rhodes P.J.* The Athenian Empire / P.J. Rhodes. – L., 1985; *Mattingly H.B.* The Athenian Empire Restored: Epigraphic and Historical Studies / H.B. Mattingly. – Michigan, 1996.

¹² *Ste Croix E.G.M.* The Origins of the Peloponnesian War / E.G.M. Ste Croix. – L., 1972; *Kagan D.*: 1) The Outbreak of the Peloponnesian War / D. Kagan. – Ithaca, 1969; 2) The Archidamean War / D. Kagan. – Ithaca, 1974; 2) The Fall of the Athenian Empire / D. Kagan. – N.Y., 1987.

¹³ *Hamilton C.D.*: 1) Sparta's Bitter Victories: Politics and Diplomacy in the Corinthian War / C.D. Hamilton. – Ithaca; London, 1979; 2) Agesilaus and the Failure of Spartan Hegemony / C.D. Hamilton. – L.; N.Y., 1991; *Seager R.* The Corinthian War / R. Seager // The Cambridge Ancient History. – 2nd. Ed. – 1994. – Vol. 6. – P. 97 – 119.

¹⁴ The Greek World in the Fourth century / Ed. by L. Tritle. – N.Y., 1997. *Buckler J.* Aegean Greece in the Fourth Century BC. / J. Buckler. – Leiden; Boston, 2003.

¹⁵ *How W.W.* A Commentary on Herodotus / W.W. How, J. Wells. – Oxford, 1912. – Vol. 1 – 2; *Flower M.A.* Herodotus: Histories Book IX / M.A. Flower, J. Marincola. – Cambridge, 2002; *Asheri D.* A Commentary on Herodotus. Books I–IV / D. Asheri, A. Lloyd, A. Corcella / Ed. by O. Murray & A. Moreno. – Oxford, 2007.

¹⁶ *Gomme A.W.* A Historical Commentary on Thucydides / A.W. Gomme, A. Andrewes, K.J. Dover. – Oxford, 1945 – 1981. – Vol. 1 – 5; *Hornblower S.* A Commentary on Thucydides / S. Hornblower. – Oxford, 1991. – Vol. I: Books I – III.; – Oxford, 1996. – Vol. II: Books IV – V.

¹⁷ *Bruce I.A.F.* An Historical Commentary on the "Hellenica Oxyrhynchia" / I.A.F. Bruce. – Cambridge, 1967.

¹⁸ *McQueen E.I.* Diodorus Siculus: The Reign of Philip II. The Greek and Macedonian Narrative from Book XVI. A Companion / E.I. McQueen. – Bristol, 1995; *Stylianou P.J.* A Historical Commentary on Diodorus Siculus Book 15 / P.J. Stylianou. – Oxford, 1998.

¹⁹ *Stadter P.A.* A Commentary on Plutarch's Pericles / P.A. Stadter. – Chapel Hill, 1989; *Shipley D.R.* A Commentary on Plutarch's Life of Agesilaus: Response to Sources in the Representation of Character / D.R. Shipley. – Oxford, 1997.

²⁰ *Olmstead A.T.* The History of the Persian Empire (Achaemenid Period) / A.T. Olmstead. – Chicago, 1948; *Cook J.M.* The Persian Empire / J.M. Cook. – L., 1983; *Briant P.* L'Histoire de l'Empire perse. De Cyrus a Alexandre / P. Briant. – P., 1996; *Wiesehofer J.* Ancient Persia from 550 BC. to 650 AD. / J. Wiesehofer / Trans. A. Azodi. – L., 1996.

персидским персоналиям в реальной энциклопедии Паули-Виссовы-Кроля²¹, материалы конференций по ахеменидской истории, которые на протяжении двух десятков лет публикуются Институтом Ближнего Востока в Лейдене²², наконец, труды по тем или иным странам в составе Персидской империи, и прежде всего, тесно связанным с греческим миром – по Карию²³ и Ликий²⁴. Отдельные исследовательские работы посвящены некоторым наиболее дискуссионным проблемам из истории греко-персидских отношений: Каллиеву миру²⁵, Эпиликовому договору²⁶, спартано-персидским соглашениям периода Пелопоннесской войны²⁷, состоянию греко-персидских отношений IV в. до н.э.²⁸ Между тем, во многих работах, как по греческой, так и по персидской истории, в основном (за некоторым исключением) представлено событийное изложение истории отношений греческого мира и Ахеменидской державы без попыток какого-либо значимого концептуального их осмысления.

В отечественной историографии греко-персидские отношения также не становились темой специального исследования, но изучались под различными углами зрения. В.М. Строгоцкий рассматривал взаимоотношения Афинского морского союза и Персии в период пентеконтаэтии, уделив особенное внимание разбору античной традиции в отноше-

²¹ *Schaefer H.* 1) Tiribazos / H. Schaefer // Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. – 1937. – Bd. 6A. – Sp. 1431 – 1437; 2) Tissaphernes / H. Schaefer // Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. – 1940. – Suppl. 4. – Sp. 1579 – 1599; 3) Tissuthnes / H. Schaefer // Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. – 1950. – Hbbd. 40. – Sp. 1807 – 1809; *Lenschau Th.* Pharnabazus / Th. Lenschau // Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. – 1938. – Bd. 19. – Sp. 1842–1848.

²² Achaemenid History: Proceedings of the Achaemenid History Workshop. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten. – Leiden, 1987–1998. – Vol. 1 – 11.

²³ *Hornblower S.* Mausolus / S. Hornblower. – Oxford, 1982; *Ruzicka S.* Politics of a Persian Dynasty. The Hecatomnids in the Fourth Century BC. / S. Ruzicka. – Norman; L., 1992.

²⁴ *Keen A. G.* Dynastic Lycia: A Political History of the Lycians and Their Relations with Foreign Powers, c 545 – 362 BC. / A.G. Keen. – Leiden, 1998.

²⁵ *Wade-Gery H.T.* The Peace of Kallias / H.T. Wade-Gery // Harvard Studies in Classical Philology. – 1940. – Suppl. 1. – P. 121 – 156. *Badian E.* From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentakontaetia / E. Badian. – Baltimore; London, 1993. – P. 1 – 72; *Bloedow E.F.* The Peaces of Callias / E.F. Bloedow // Symbolae Osloenses. – 1992. – Vol. 67. – P. 41 – 68; *Cawkwell G.L.* The Peace between Athens and Persia / G.L. Cawkwell // Phoenix. – 1997. – Vol. 51. – № 2. – P. 115 – 130.

²⁶ См.: *Blamire A.* Epilycus' Negotiations with Persia / A. Blamire // Phoenix. – 1975. – Vol. 29. – № 1. – P. 21 – 26; *Thompson W.E.* The Athenian Treaties with Halicarnassus and Dareios the Bastard / W.E. Thompson // Klio. – 1971. – Bd. 53. – S. 119 – 124.

²⁷ *Levy E.* Les trois traités entre Sparte et le Roi / E. Levy // Bulletin de correspondance helléniques. – 1983. – T. 107. – № 1. – P. 221 – 242.

²⁸ *Zahrnt M.* Hellas unter persischen Druck? Die griechisch-persischen Beziehungen in der Zeit vom Anschluss des Königsfriedens bis zur Gründung des Korinthischen Bundes / M. Zahrnt // Archiv für Kulturgeschichte. – 1983. – Bd. 65. – Ht. 2. – S. 249 – 306.

нии Каллиева мира²⁹. И.Е. Суриков в серии своих публикаций обращался к истокам афино-персидских отношений, исследовал также «персидский фактор» в общественно-политической жизни афинян во второй половине VI – начале V в. до н.э.³⁰ Л.Г. Печатнова, в свою очередь, изучала эволюцию спартано-персидских отношений с момента их зарождения до конца V в. до н.э.³¹ О.В. Кулишова обращалась к истории дельфийско-персидских отношений³². Македоно-персидские отношения исследуются в ряде работ А.С. Шофмана³³. Э.Д. Фролов и В.И. Исаева рассматривали идеологическую составляющую греко-персидских отношений³⁴. М.А. Дандамаев в обобщающем труде по политической истории Персидской державы периодически обращался к событиям греко-персидских отношений, рассматривая их с позиций Персии³⁵.

Итак, проделанный анализ позволяет сделать следующие выводы. Обращает на себя внимание, во-первых, тот факт, что существует мало работ, которые специально посвящены исследованию контактов греков и

²⁹ *Строгецкий В.М.* 1) Проблема Каллиева мира и его значение для эволюции Афинского морского союза / В.М. Строгецкий // Вестник древней истории. – 1991. – № 2. – С. 158 – 168; 2) Полис и империя в классической Греции / В.М. Строгецкий. – Н. Новгород, 1991; 3) Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н.э. (478 – 431 гг.) / В.М. Строгецкий. – СПб., 2008.

³⁰ *Суриков И.Е.*: 1) Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII – V вв. до н.э. / И.Е. Суриков. – М., 2000. 2) Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика / И.Е. Суриков. – М., 2005; 3) Остракизм как политический институт Афинского полиса классической эпохи: дис. ... д.и.н.; ИВИ РАН / И.Е. Суриков. – М., 2004; 4) Остракизм в Афинах / И.Е. Суриков. – М., 2007.

³¹ *Печатнова Л.Г.*: 1) Спарта и Персия в конце V в. до н.э. / Л.Г. Печатнова // Проблемы античной государственности. – Л., 1982. – С. 85 – 108; 2) История Спарты (период архаики и классики) / Л.Г. Печатнова. – СПб., 2001; 3) Спарта и Персия: история отношений (середина VI – 413 г. до н.э.) / Л.Г. Печатнова // Проблемы античной истории / Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. – СПб., 2003. – С. 73 – 97.

³² *Кулишова О.В.* 1) Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII – V вв. до н.э.) / О.В. Кулишова. – СПб., 2001; 2) Дельфийский оракул в греко-персидском конфликте / О.В. Кулишова // Вестник древней истории. – 2001. – № 3. – С. 17 – 35.

³³ *Шофман А.С.*: 1) История античной Македонии / А.С. Шофман. – Казань, 1960. – Ч. 1; 2) Македонская дипломатия в греко-персидских войнах / А.С. Шофман // Античный вестник. – Омск, 1993. – Вып. 1. – С. 101 – 117.

³⁴ *Исаева В.И.* 1) Идеологическая подготовка эллинизма / В.И. Исаева // Эллинизм: экономика, политика, культура. – М., 1990. С. 59 – 85; 2) Античная Греция в зеркале риторики. Исократ / В.И. Исаева. – М., 1994; *Фролов Э.Д.* 1) Панэллинизм в политике IV в. до н.э. / Э.Д. Фролов // Античная Греция: Проблемы развития полиса. – М., 1983. – Т. 2. – С. 157 – 207; 2) Исторические предпосылки эллинизма / Э.Д. Фролов // Эллинизм: экономика, политика, культура. – М., 1990. – С. 14 – 58.

³⁵ *Дандамаев М.А.* Политическая история Ахеменидской державы / М.А. Дандамаев. – М., 1985.

Персии как таковых; во-вторых, что различные аспекты греко-персидских отношений чаще всего изучались изолированно, вне какой-либо связи друг с другом; в-третьих, их роль во внешней и внутренней политике греческих полисов фактически не выделялась в отдельную проблему и не становилась объектом специального исследования.

Цель и задачи исследования. *Целью* диссертационной работы является выявление влияния Персии на межполисные отношения и общественно-политическую жизнь греков. Это влияние определяется как «**персидский фактор**», и в дальнейшем он будет в фокусе данного исследования. Для достижения цели предполагается решение следующих **основных задач**:

- выявление истоков греко-персидских отношений;
- исследование основных направлений и эволюции персидской внешней политики по отношению к Греции в указанный исторический период;
- определение реакции греков на персидские военные и дипломатические акции в Греции;
- изучение влияния Персии на общественно-политическую жизнь греков;
- выявление роли дипломатии в развитии греко-персидских политических отношений.

Временные и территориальные рамки исследования. Хронологические границы исследования – 550 – 330 гг. до н.э. Они определяются, с одной стороны, началом внешнеполитических отношений греческого мира с возникающей Персидской империей Ахеменидов, а с другой, естественным прекращением этих отношений в связи с крушением Персидской державы в ходе завоевательных походов Александра Македонского. С точки зрения *географической*, в процесс исследования вовлекается материал как греческих полисов Малой Азии, так и собственно государств Балканской Греции (Афины, Спарта, Фивы, Аргос, Фессалия, Македония), отношения которых с Персией представляется возможным проследить в тот исторический период.

Методологическая основа исследования. В качестве *методологической основы* данной работы признается принцип историзма – рассмотрение исторических событий, явлений и процессов в хронологическом развитии и во взаимной связи друг с другом. Из конкретных методов анализа материала применяются методы познания: системный подход, историко-филологический метод, сравнительно-исторический метод и др.

В ходе исследования темы при объяснении различных аспектов межгосударственных отношений в античности учитывались также основополагающие принципы и категории теории политического реализма в международных отношениях, сформулированные Г. Моргентау и воспринятые

его последователями (принципы борьбы за власть, имперской внешней политики, «равновесия сил» и др.)³⁶.

При изучении темы нам приходилось неоднократно встречаться с проявлением в историографии такого явления как гиперкритицизм, который относится к методике анализа исторических источников. Посредством этой методики исследователи выявляют достоверное и рациональное зерно в античной исторической традиции путем признания абсолютно надежными сведения авторов – «современников» описываемых ими событий и недостоверными и ненадежными большинство сведений более поздних авторов.

Гиперкритицизм ряда современных исследователей имел своим «побочным эффектом» объявление целого ряда документальных свидетельств продуктом сознательной фальсификацией греками своего прошлого. Со своей стороны, хотелось бы выразить несогласие с подобным подходом в современной историографии. Как представляется, исследователь не должен уже *a priori* подвергать сомнению сведения источников: в доказательствах нуждается не достоверность источников, а, их недостоверность.

Источниковая база исследования.

Источники, используемые в данной работе, классифицируются по трем основным группам: литературные, документальные, нумизматические. К первой группе относятся следующие:

- элегии, эпитафии, эпиграммы, эпиникии, номы и др. поэтические произведения (Ксенофана Колофонского, Симонида Кеосского, Пиндара, Тимофея Милетского и др.);

- произведения древнегреческой драматургии (трагедия Эсхила «Персы», различные комедии Аристофана);

- произведения древнегреческих историков, как хорошо сохранившиеся (Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Диодора Сицийского и др.), так и представленные фрагментарно (Ктесия Книдского, Динона Колофонского, Гераклида из Кимы, Оксиринхского историка, Филохора, Андротиона, Эфора, Феопомпа и др.);

- произведения греческих писателей – авторов биографического жанра, географов, путешественников римской эпохи (Корнелия Непота, Плутарха, Страбона, Павсания).

- речи греческих ораторов конца V – IV вв. до н.э. (Горгия, Андокида, Лисия, Исократа, Эсхина, Демосфена и др.);

- труды греческих философов, в которых можно встретить аллюзии на конкретные события из истории греко-персидских отношений (Платона, Аристотеля).

³⁶ См.: *Morgenthau H. Politics among Nations. Struggle for Power and Peace.* – 5th Ed. – N.Y., 1978. – P. 4 – 15, 179ff.

Названные источники группируются также и по хронологии: свидетельства современников – греческих авторов середины VI – середины IV в. до н.э. (Симонида Кеосского, Эсхила, Геродота, Фукидида, Эфора, Оксиринхского историка, Ксенофонта, Исократа); сочинения более поздних авторов эллинистического и римского периодов (Полибия, Диодора, Павсания, Плутарха и др.).

К числу документальных источников относятся, прежде всего, эпиграфические источники. Речь идет главным образом о греческих надписях, обнаруженных как собственно на территории Балканской Греции, так и за ее пределами – в Малой Азии.

Среди надписей из полисов Балканской Греции в работе использовались эпиграфические документы из Афин, Олимпии, Дельфов, а из малоазийских и островных греческих полисов – надписи из Самоса, Эрифр, Теоса, Галикарнасса, Клазомен и др. Некоторые эпиграфические источники переведены на русский язык впервые и помещены в приложении 3 диссертации.

Документальные источники включают в себя:

- почетные, посвятельные и коммеморативные надписи. Это надпись из Милета, которая упоминает сатрапа Струфа в связи с разрешением спора за территорию в долине реки Меандра (Ditt. Syll.³ 134 = Tod. II, 113), а также надпись из малоазийского города Эрифры, содержащая текст афинского декрета времени Анталкидова мира, которая была обнаружена в 1970 году турецким археологом С. Шахином (SEG, 1976, XXVI, № 1282). Среди афинских документов особо хотелось бы отметить псефизмы о предоставлении проксении Гераклиду Клазоменскому (IG, II², 8 = IG. I³, 227 = ML, 70), Эвагору Саламинскому (IG, I³, 113), Филиску, сыну Лика (IG, II², 133), Стратону Сидонскому (IG, II², 141 = Tod. II, 139), сатрапу Оронту (IG, II², 207), текст «Платейской клятвы» (Tod., II, 204 = GHI, 88). Из самосских эпиграфических документов особо важна надпись, прославляющая самосскую победу над персами «на Ниле» в Египте (ML., 34), а также посвящение командира самосской эскадры в храм Геры подношения, предоставленное Инаром, сыном Псамметиха (ML., 310).

- податные списки Афинского морского союза, которые позволяют получить представление о тех городах Малой Азии, которые были афинскими союзниками в V в. до н.э.

- надписи на острака, которые были результатом осуществления афинянами процедуры остракизма – узаконенного изгнания собственных граждан вследствие народного голосования. Надписи на острака дают некоторые сведения о проблеме отношения к Персии во внутривосточной жизни Афин (острака против Аристида, Каллия, сына Кратия и др.).

- персидские документы из Персеполя и Суз. Это царские официальные надписи, а также надписи на персепольских глиняных табличках. И хотя их информативность об отношениях персов с греками довольно

низка (и в этом не могут помочь даже значительные «исторические» надписи, типа Бехистунской надписи), тем не менее, они являются уникальными свидетельствами для реконструкции сущности персидской внешней политики по отношению к окружающему миру, а также для выявления места греков в структуре Персидской державы.

Нумизматический материал представлен выпусками монет, свидетельствующими о греко-персидских политических контактах. Здесь, прежде всего, необходимо назвать серебряные монеты с портретами персидских сатрапов Фарнабаза, Тиссаферна, Кира Младшего, монеты различных греческих полисов.

Научная новизна диссертации. Научная новизна диссертационной работы состоит в следующем:

1. Диссертационная работа является первым обобщающим исследованием по теме греко-персидских отношений в отечественной историографии.

2. В основу данной работы положено рассмотрение политических отношений греков с Персией, которые, по нашему убеждению более всего раскрываются через призму исследования дипломатических контактов;

3. Уделяется непосредственное внимание персидскому влиянию на общественно-политическую жизнь в греческих полисах;

4. Выявлены истоки греко-персидских политических отношений;

5. Детально, насколько позволяют источники, изучен персидский обычай предоставления земли и воды в процессе политического подчинения балканской Греции в начале V в. до н.э. и рассмотрена реакция на него греков;

6. Показана динамика поступательного развития греко-персидских договорных отношений от Каллиева мира, через Эпиликов договор и спартано-персидские договоры периода Пелопоннесской войны, к Анталкидову миру;

7. Отнесено зарождение персидской «дипломатии золота» ко времени Греко-персидских войн и отмечена роль такой дипломатии в политике персов по отношению к грекам в последующий период (посредством изучения персидских дипломатических миссий в греческие полисы);

8. Высказано и аргументировано мнение о кратковременном периоде действия Анталкидова мира, заключенного в 386 г. до н.э. и денонсированного греками уже в 377 г. до н.э.;

9. Отмечен процесс дипломатического сближения ведущих греческих полисов и Персии перед лицом македонской угрозы.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Политические отношения полисов балканской Греции и Персидской державы Ахеменидов следует рассматривать как взаимодействие. Средствами осуществления этого взаимодействия были интенсивные дипломатические контакты между сторонами, которые, в конечном итоге, представляли собой своеобразный *modus vivendi* греко-персидских отно-

шений на протяжении двух столетий. Между тем, военные конфликты (самыми яркими из которых были, несомненно, Греко-персидские войны) были только эпизодами этих отношений, пусть и наиболее значительными и имеющими всемирно-историческое значение.

2. Греко-персидские политические отношения оказывали разностороннее влияние на общественную жизнь и идеологию населения греческих полисов. С одной стороны, они стимулировали политическую борьбу внутри гражданского коллектива полисов по «персидскому вопросу». С другой стороны, они способствовали зарождению мощного «общегреческого» движения мидизма – феномена персофильства и его антиномии – панэллинизма – идеологической доктрины объединения греков для борьбы против Персии.

3. Греческие полисы не были в состоянии выработать какую-либо общую политику по отношению к Персидской державе. Это было следствием как политической разобщенности греческого мира, так и ожесточенных межполисных конфликтов. Афины, Спарта, Фивы, Аргос и другие эллинские государства строили свои отношения с Персией исходя из собственных интересов, которые, в свою очередь, отличались известным непостоянством.

4. Более последовательной была политика Персии по отношению к греческим полисам, но и она была подвержена изменениям: от претензии персидских царей на политическое подчинение Греции до использования межполисных противоречий для достижения собственных внешнеполитических целей (создание препятствий для консолидации греков во время военных действий против Персии, поддержание враждебности между греческими государствами с целью их последующего политического ослабления, стремление выступать в качестве арбитра для урегулирования межгреческих проблем и противоречий).

5. В период установления македонской гегемонии в Греции при Филиппе II ведущие греческие полисы сделали выбор в пользу объединения с Персией для противодействия державным устремлениям македонского царя. С учетом этого может быть также скорректировано восприятие политики Александра Македонского по завоеванию Персидской державы. Несмотря на пропаганду панэллинских лозунгов, большинство ведущих греческих полисов предпочли поддерживать отношения с персами, а отнюдь не участвовать в восточной кампании Александра.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на заседаниях кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета и кафедры истории древней Греции и Рима Санкт-Петербургского государственного университета и рекомендована к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук. Основные положения работы нашли свое отражение в публикациях – монографии, статьях

и тезисах докладов на всероссийских и международных научных конференциях, общим объемом более 70 п.л.

- на ежегодных научных итоговых конференциях профессорско-преподавательского состава КГУ (2002 – 2007), на заседаниях научного семинара «Античный понедельник» в КГУ (1989–2008); на научных конференциях, посвященных юбилеям научного кружка «Античный понедельник» в Казанском государственном университете (Казань, 1991, 2001, 2006 гг.);

- на VIII, IX, X, XI, XII, XIII, Сергеевских чтениях в МГУ (Москва, 1993, 1995, 1997, 1999, 2001, 2003, 2005 гг.);

- на конференциях Российской ассоциации антиковедов в ИВИ РАН (Москва, 1993, 1995, 1996, 1998, 2000, 2003 гг.);

- на VII, VIII Жебелевских чтениях в СПбГУ (Санкт-Петербург, 2005, 2006 гг.);

- на конференциях «Античное общество» (VIII, IX, X) в СПбГУ (Санкт-Петербург, 2006, 2007, 2008 гг.)

- на научной конференции «Историк и общество в античности» в СПбГУ (Санкт-Петербург, 2005 г.)

- на международной научной конференции «Мир Ксенофонта» (г. Ливерпуль, Великобритания, 1999 г.);

- на научном семинаре в отделе античной истории Института классических древностей университета им. Мартина Лютера Галле-Виттенберга (г. Галле, Германия, 2006 г.)

- на XIII международном конгрессе по греческой и латинской эпиграфике (г. Оксфорд, Великобритания, 2007 г.)

Практическая значимость работы. Полученные результаты в диссертации могут быть использованы при подготовке общих и специальных курсов по истории древнего мира, истории дипломатии и международных отношений, написании соответствующих монографий и учебных пособий.

Структура диссертации. Диссертационное сочинение состоит из введения, пяти глав, заключения, трех приложений, списка использованных источников и литературы, списка сокращений. Общий объем диссертации 691 с.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дается обоснование темы исследования, определяется его актуальность, объект и предмет исследования, а также приводится обзор источников и историографии темы.

В **первой главе** диссертации «Греция перед лицом персидской угрозы: Проблема выбора» исследуется «персидский фактор» во внешней политике греков во второй половине VI–начале V в. до н.э.

В § 1 «Начало взаимоотношений» рассматривается политика к Персии двух наиболее значительных греческих полисов – Афин и Спарты, до начала собственно Греко-персидских войн 490 – 480х гг. Во второй половине VI – начале V в. до н.э. греческие города Малой Азии и островные греки в большинстве своем оказались включены в состав Персидской державы Ахеменидов: одни были непосредственно покорены, другие признали над собой власть Великого царя под силовым давлением.

Источники сохранили сведения о том, что первыми вступили в дипломатические отношения с персами спартанцы, которые считались наиболее сильными в военном отношении и авторитетными в Греции. Спарта имела союзный договор с лидийским царем Крезом – противником Кира II Великого, основателя Ахеменидской державы. После персидского завоевания Лидийского царства в 547 г. до н.э. спартанцы сами инициировали переговорный процесс с Киром в Сардах по вопросу о безопасности малоазийских греков, которые в связи с опасением враждебных действий со стороны персов, обратились за поддержкой в Спарту (Hdt., I, 141, 152). Эти переговоры оказались безуспешными для спартанцев, однако, с этого времени на несколько десятилетий Спарта приняла враждебную политику по отношению к Персии.

По иному развивались отношения афинян с персами. Афины почти на протяжении всего VI в. до н.э. переживали период напряженной внутренней социально-политической борьбы, выразившейся в реформах и законодательстве Солона и тирании Писистратидов. Эта внутривластная нестабильность в афинском обществе VI в. до н.э. способствовала некоторому снижению роли Афин на международной арене. Остается неизвестным, как афиняне отреагировали на политику Кира Великого в отношении ионийских греческих городов, которые считали Афины своей метрополией. Первый достоверно засвидетельствованный Геродотом (V, 73) опыт переговоров афинян с персами относится только к 508/7 г. до н.э., когда афиняне, перед лицом вторжения в Аттику спартанских войск во главе с царем Клеоменом I, обратились в Сарды к Артаферну, сатрапу царя Дария I, с предложением военного союза. Однако, сатрап выставил условием заключения союза политическое подчинение Афин персам (предоставление «земли и воды»). Произошло ли такое подчинение, «отец истории» не говорит, но складывается впечатление, что афиняне оставили персов в некотором двусмысленном положении: с одной стороны афинские послы в Сарды обещали предоставить землю и воду царю Дарию, а, с другой стороны, афинское народное собрание подвергло критике действия своего посольства и оставила претензию персов без ответа.

Союз не был заключен, но персы могли уже видеть Афины в числе своих новых подданных. В дальнейшем происходит быстрое ухудшение афино-персидских взаимоотношений в связи с бегством в Персию изгнанного афинского тирана Гиппия, сына Писистрата, который рассчитывал при

помощи персидской военной силы добиться своего восстановления у власти в Афинах. Переговоры о политическом статусе Гиппия проходили в Сардах около 500 г. до н.э., но окончились безрезультатно. Окончательно разрыв афино-персидских дипломатических отношений происходит в связи с участием афинского контингента в Ионийском восстании против Персии. В то же время, спартанцы, категорически отказавшие поддержать это восстание, оставили для себя возможность урегулирования отношений с царем Дарием.

В § 2 *«Персидские требования земли и воды и позиция греков»* идет речь об усилении дипломатической активности персов в отношении греческого мира (требование земли и воды) накануне Греко-персидских войн и о реакции греков на персидские дипломатические акции. Здесь прежде всего исследуется значение персидского обычая требовать землю и воду как знаки покорности и делается вывод об их символическом значении: во-первых, предоставление земли и воды было разновидностью обычая дарообмена как одной из сторон взаимоотношений Великого царя Персии со своими подданными (пусть даже и потенциальными); во-вторых, на основании сообщения Фавста Бузанда (IV, 54), предполагается, что первоначально земля и вода использовались в ритуале принятия клятв верности Великими царями у своих подданных. В разделе рассматривается состав греков, которые предоставили персидским глашатаям землю и воду.

В 491 г. до н.э. свою покорность персам изъявили некоторые острова (Эгина, Парос), а также ряд материковых балканских государств (наиболее значительным из них была Фессалия, правители которой установили контакты с персами еще в конце VI в. до н.э.). Два наиболее значительных полиса, – Афины и Спарта отвергли персидские требования и умертвили глашатаев Дария I. Между тем, даже в способе казни персидских посланцев проявились различия в позиции афинян и спартанцев по «персидскому вопросу». Афиняне очевидно казнили глашатаев ввержением в баратрон согласно постановлению (псефизме) экклесии, принятой на основании закона Каннона, предусматривающего такой вид казни за оскорбление афинского народа. Способ убийства спартанцами персидских глашатаев (они были сброшены в колодец) предполагает спонтанные действия. И, действительно, вслед за этими событиями наступило раскаяние, выразившееся в желании спартанцев урегулировать свои отношения с персами; показателем этого выступает дипломатическая миссия Сперфия и Булиса в Сузы в начале царствования Ксеркса, которая по всей видимости, была организована спартанцами, не желавшими обострения отношений с Персией (не исключено, «друзьями» изгнанного спартанского царя Демарата, получившего пристанище при дворе Дария I).

Миссии персидских глашатаев в 481 г. до н.э. с требованием земли и воды, имевшие место накануне грандиозного вторжения Ксеркса, преследовали цель расколоть единство полисов балканской Греции перед лицом персидской угрозы. Этот замысел в основном удался: многие государства и эт-

нические общности Северной и Средней Греции сначала предоставили землю и воду персидским глашатаям, а затем, уже в ходе самого персидского вторжения предоставили свои контингенты в войско Ксеркса, которые находились там вплоть до окончательного поражения персов; некоторые греческие полисы по разным причинам (в том числе и с целью скрыть свой мидизм из-за опасений возмездия других греков) объявили о нейтралитете.

В § 3 *«Панэллинская лига против Персии и ее участники»* рассматривается объединение ряда греческих полисов во главе со Спартой и Афинами в антиперсидской коалиции.

Исследование некоторых аспектов возникновения и функционирования Панэллинской лиги 481/0 г. до н.э. позволяет заключить, что эта организация была подлинным общегреческим союзом, нацеленным на добровольное сплочение греков (причем, не только балканских) перед лицом внешней угрозы. Но достигли ли греки этого единства? Думается, что если и не достигли полностью, то заметно приблизились к этому. Можно с полным основанием утверждать, что участниками этого союза стали даже те греческие государства, которые затем под давлением необходимости перешли на сторону Ксеркса, и, напротив, те, которые первоначально были на стороне персов, после первых побед греков стали переходить на сторону антиперсидской коалиции. И хотя состав этой коалиции в течение 481 – 479 гг. до н.э. и не был постоянен, то, во всяком случае, эта организация была открыта для всех греков (кроме тех, которые открыто запятнали себя сотрудничеством с врагом – фиванцы, фессалийцы, аргосцы). И даже после изгнания войска персов из балканской Греции Панэллинская лига под предводительством спартанцев продолжала функционировать почти двадцать лет, несмотря на существование и решающую роль в продолжении войны с Персией параллельной организации – руководимой афинянами Делосской симмахии. Между тем, парадоксально, что греки во главе со Спартой и Афинами, заклеив мидизм как предательство Эллады, в дальнейшем избрали для себя путь сотрудничества с Персией.

Во второй главе *«От конфронтации к сотрудничеству: Укрепление дипломатических контактов»* основное внимание уделяется, во-первых, трансформации персидской внешней политики по отношению к Греции после успехов греков в войне (переход от «дипломатии принуждения» к «дипломатии золота»), а, во-вторых, завершению эпохи взаимной конфронтации в результате заключения Каллиева мира 449 г. до н.э.

В § 1 *«Зарождение персидской неофициальной дипломатии по отношению к грекам»* раскрываются дипломатические шаги персов, нацеленные на распад созданной усилиями патриотических греков антиперсидской коалиции – Эллинского союза 481/0 г. до н.э.

Понятно, что объединение греков против Персии зиждилось главным образом на союзе Спарты и Афин, который был очевидно заключен еще накануне знаменитого сражения при Марафоне 490 г. до н.э. Почти десять лет

спустя, в 481 – 480 гг. до н.э. основу Панэллинской лиги составили полисы Южной Греции, которые входили в руководимый Спартой Пелопоннесский союз и обеспечили руководство спартанцев в войне против персов.

Между тем, персы, особенно после катастрофического поражения их флота при Саламине в 480 г. до н.э., изменили тактику ведения войны, перенесли акцент с военных действий на дипломатию, намереваясь обещаниями и подкупом добиться распада Эллинского союза. Здесь следует иметь в виду, что в использовании финансовых средств для достижения политических целей персы имели своих предшественников – лидийцев. К периоду вторжения Ксеркса принадлежат три известные персидские дипломатические миссии, связанные с «дипломатией золота»: миссия в Афины македонского царя Александра I Филэллина (Hdt., VIII, 140 – 144), выступавшего в качестве персидского посланца (цель этой миссии, как явствует из рассказа Геродота, заключалась в намерении персов предложить афинянам условия договора и тем самым добиться их выхода из войны); миссия геллеспонтийца Мурихида на Саламин к афинянам (Hdt., IX, 4), также с предложением мира и союза с персидским царем Ксерксом; за этой дипломатической миссией стоял Мардоний (здесь Геродот не отрицает возможность использование персидских денег для подкупа одного из членов буле – Ликида); наконец, миссия Арфмия Зелейского с царским золотом в Спарту с намерением обеспечить выход спартанцев из войны. Все указанные миссии постигла неудача, главным образом, ввиду роста политической сплоченности части греков, воспринимавших персидского царя как агрессора, посягающего на их свободу.

§ 2 «Укрепление спартано-персидских связей» посвящен рассмотрению попыток (в итоге оказавшихся безуспешными) дипломатического сближения спартанцев и персов в виду, с одной стороны, продолжающейся войны с Персией афинян, находившихся во главе Делосской симмахии, а, с другой стороны, – намечающегося кризиса собственно в афино-спартанских взаимоотношениях.

После отражения нашествия Ксеркса на Элладу в 479 г. до н.э. персы также стремились оказывать влияние на политическую ситуацию в Греции. В научной литературе ведется оживленная дискуссия как в отношении мотивов Павсания в установлении контактов с персами, так и хронологии и характера этих отношений, причем, подчас высказываются диаметрально противоположные точки зрения. В нашей работе считается наиболее обоснованным мнение, что спартанский военачальник, замыслив наладить отношения с врагом, преследовал не только личные цели, а выражал интересы определенных политических кругов в Спарте, которые рассчитывали «примириться» с персами перед лицом осложнения отношений с афинянами после основания Делосского союза в 477 г. до н.э. Павсаний, отстраненный от руководства объединенными силами греков в войне против Персии, таким образом, как нельзя лучше подходил на роль посредни-

ка в отношениях с персами. Однако, этот план постигла неудача ввиду сопротивления ему тех спартанских политических сил, которые по-прежнему бескомпромиссно воспринимали Персию в качестве основного врага эллинов. Данное заключение, собственно говоря, можно считать справедливым с учетом существования еще до Греко-персидских войн двух мнений среди влиятельных политических кругов Спарты в отношении Персии: одни спартиаты (как мы полагаем, «друзья Демарата»), стремились к поддержанию, до известной меры, хороших отношений с Великими царями; другие, представленные, в том числе, царями Клеоменом и Леонидом, видели в персах угрозу Спарте и выступали за враждебное отношение к ним. О деятельности спартанской группировки, готовой к возрождению отношений с Персией, косвенно свидетельствуют результаты персидской миссии Мегабаза в Спарту в 456 г. до н.э., который надеялся при помощи денежных средств побудить спартанцев к нападению на Афины, чтобы афиняне прекратили военные действия против персов в Египте.

В § 3 «*Афины и Персия: Проблема Каллиева мира*» подробно рассматриваются отношения Афинского морского союза с Персией в период пентеконтаэтии, и, прежде всего, дискуссионная проблема Каллиева мира. Мнения исследователей расходятся не только в вопросах датировки этого договора и его основных условий, но и его историчности в целом (впрочем, в настоящее время большинство ученых признают аутентичность договора). В этом разделе разбирается целый ряд важных вопросов, связанных с мирным договором с Персией.

Прежде всего, анализируются сведения в отношении дипломатической миссии Каллия в Сузы, о которой сообщает только Геродот (VII, 151) и делается вывод о целесообразности её отнесения к 449 г. до н.э. Рассмотрение основных сведений в источниках о договоре позволяет не согласиться с мнениями некоторых исследователей (Д. Стоктона, К. Майстера), которые выступали против аутентичности договора³⁷, а также поддержать традиционную датировку Каллиева мира – ок. 449 г. до н.э. Кроме того, представляются несостоятельными попытки некоторых исследователей отнести этот договор ко второй половине 460-х гг. до н.э. (например, Дж. Уолша³⁸) или же, по примеру Э. Бэдиана, постулировать существование по крайней мере трех соглашений Каллиева мира, причем, каждый последующий договор возобновлял условия предыдущего (первый из мирных договоров, по мнению Бэдиана, мог быть заключен Каллием сразу же после афинской победы при Эвримедонте еще с Ксерксом, незадолго до смерти этого царя в августе 465 г. до н.э., затем был возобновлен с

³⁷ *Stockton D.L.* The Peace of Kallias / *D.L. Stockton* // *Historia*. – 1959. – Bd. 8. – Ht. 1. – S. 61 – 79; *Meister K.L.* Die Ungeschichtlichkeit des Kalliasfriedens und deren historischen Folgen / *K.L. Meister*. – Wiesbaden, 1982.

³⁸ *Walsh J.* The Authentithy and the Dates of the Peace of Callias and the Congress Decree / *J. Walsh* // *Chiron*. – 1981. – Bd. 11. – S. 31 – 63.

царем Артаксерксом I около 464 г. до н.э., и наконец, после периода активных боевых действий в Египте и на Кипре, вновь был утвержден уже в 449/8 г. до н.э.³⁹).

Далее, что касается условий Каллиева мира, то признаются безусловно аутентичными те ограничения, которые афиняне наложили на движения персидского боевого флота и войска (не плавать между Кианейскими скалами и Хелидонскими островами; не подходить к малоазийскому побережью ближе чем на трехдневный пеший переход или один пробег коня), в обмен на обязательство ненападения на территорию персидского царя в Азии. С другой стороны, заявленное в ряде источников (Лус., in Leocr, 73; Diod., XII, 4, 5; XII, 26, 2; Suid. s.v. *Kallias Miltiadou*) условие об объявлении малоазийских греческих городов независимыми, фактически, могло представлять собой ничто иное как интерпретацию «статьи» договора о «границах» и как таковое отсутствовать в соглашении. Таким образом, Каллиев мир был выгоден прежде всего афинянам, а персы на протяжении последующих десятилетий были особенно заинтересованы в пересмотре его важнейших условий.

В последующий период военное могущество афинян в Эгеиде вынуждало персидского царя и сатрапов уклоняться от каких-либо крупных столкновений с афинянами; однако обеим сторонам не удавалось избегать кризисов и осложнений во взаимоотношениях, которые в перспективе могли бы привести к возобновлению нового конфликта. Первый зафиксированный «кризис» в афино-персидских отношениях был спровоцирован позицией афинян в связи с восстаниями Мегабиза и его сына Зопира против персидского царя Артаксеркса I. Сведения об этих восстаниях, содержащиеся только у Ктесия Книдского (Ctesias FGrHist. 688. F. 14. 39 – 42; 46), предполагают установление благожелательных отношений между афинянами и Мегабизом, что в дальнейшем предопределило бегство Зопира, сына Мегабиза в Афины и афинскую поддержку его мятежа. Другой «кризис» случился в период Самосской войны 441/0 г. до н.э., когда помощь восставшим против афинян самосцам оказал персидский сатрап Писсуфн. Наконец, персы поддерживали деятельность дружественных им группировок в союзных афинянам греческих городах Малой Азии (Эрифрах, Колофоне, возможно, Милете и др.).

В третьей главе «Персия и Пелопоннесская война» исследуется роль Персии в политической жизни Греции в период наиболее значительного межполисного конфликта.

§ 1 «Эпиликов мирный договор» посвящен анализу греко-персидских отношений в начальный период Пелопоннесской войны (в годы Архидамовой войны), с особым акцентом на роль в этих отношениях Эпиликова мир-

³⁹ Основные аргументы: *Badian E.* From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentakontaetia / E. Badian. – Baltimore; L., 1993. – P. 1 – 72.

ного договора. С началом военных действий между Афинской державой и Пелопоннесским союзом во главе со Спартой возрастает взаимная дипломатическая активность греков и Персии. Так, в первые годы войны Спарта стремится обойти Афины в получении персидской финансовой и военной помощи, но первые её попытки оказались обречены на неудачу.

С другой стороны, афиняне преуспели в отношениях с Персией, заключив в 420-е гг. до н.э. Эпиликов мирный договор (Andoc., III, 29). С формальной точки зрения он мог возобновлять условия Каллиева мира, однако, в связи с продолжающейся Пелопоннесской войной договор содержал также и некоторые новые черты. В частности, это соглашение устанавливало между афинянами и персидским царем Дарием II Нотом «дружественные отношения на вечные времена», условие, которое едва ли присутствовало в договоре Каллиева мира. Главное назначение договора состояло в том, что он должен был воспрепятствовать Спарте добиться успеха в переговорах с Персией.

Однако, Эпиликов мирный договор оказался краткосрочным. В период Сицилийской экспедиции афиняне нарушили свое соглашение с Персией, предоставив военную помощь мятежнику Аморгу, сыну сатрапа Писсуфна. В ответ на эти «недружественные» действия персы разорвали свой договор с Афинами и возобновили переговоры со Спартой, которые в конечном итоге выразились в согласовании антиафинского военного союза (симмахии). Возникает закономерный вопрос: что побудило афинян первыми нарушить свой договор с Дарием II. Следует говорить о комплексе таких причин, среди которых наиболее значимыми были, с одной стороны, антиперсидские настроения демоса и части афинских политиков, с другой же стороны, – уверенность афинян в своих силах, в том, что они могут держать под контролем ситуацию на Востоке.

В § 2 *«Договорные отношения Спарты и Персии»* речь идет о непосредственном вовлечении Персии в Пелопоннесскую войну на стороне Спарты. За короткий период 412 – 411 гг. до н.э. спартанцы заключили с персами последовательно три договора, которые предусматривали объединение усилий двух союзников в войне против Афин. В обмен на персидскую финансовую и военную помощь спартанцы признали права персидского царя на греческие города Малой Азии. Мнение некоторых современных исследователей, что два первых договора были только проектами, а настоящим договором был только третий, едва ли может быть принято. Фактически, каждый из трех соглашений сыграл свою роль в организации спартано-персидского военного сотрудничества на заключительном этапе Пелопоннесской войны, а замена одного договора другим объясняется стремлением сторон приспособить их условия своим текущим потребностям.

Спартано-персидские дипломатические отношения развивались не всегда гладко. Период наиболее тесных контактов уступал место периоду охлаждения или кризиса, иногда спартанцы и персы были недалеки от

полного разрыва. Первые два договора были подвергнуты жесткой критике со стороны спартанцев (Thuc., VIII, 43, 2 – 3), а третий договор также не был реализован в полной мере по причине невыполнения его условий персидской стороной.

В кризисные моменты взаимоотношений Спарты и Персии в дело вступала афинская дипломатия, которая стремилась добиться разрыва спартано-персидского союза и возобновления афино-персидских дипломатических контактов (такие неудачные попытки имели место накануне заключения третьего спартано-персидского договора Спарты и Персии, а также после разрыва отношений спартанцев с персидским сатрапом Тиссаферном в 411 г. до н.э.).

В конечном итоге, спартано-персидские отношения укрепились вследствие заключения так называемого договора Беотия. Впервые в современной историографии высказал предположение о существовании этого договора Д.М. Льюис. Историк предположил, что третий договор Спарты и Персии потерял свою значимость уже вскоре после его заключения, и привел аргументы в пользу существования четвертого договора между Спартой и Персией, который он назвал по имени Беотия, спартанского посла, участвовавшего в переговорах с персидским царем Дарием II после 410 г. до н.э. (он датирует договор 408 г. до н.э.)⁴⁰. Многие исследователи в целом поддержали мнение Д.М. Льюиса⁴¹, тогда как П. Картледж, Э. Кин и Дж. Коуквелл выразили скептическое отношение к вопросу о его существовании⁴².

В разделе не только принимается точка зрения Д.М. Льюиса в отношении договора Беотия, но приводятся некоторые дополнительные аргументы в пользу его существования. Этот договор фактически позволил спартанцам и персам выйти из «дипломатического кризиса» и продолжить свое плодотворное сотрудничество в войне против афинян в последние годы войны. Вероятно, успех дипломатической миссии Беотия заключался не только в заключении нового соглашения с самим персидским царем Дарием II, но замена сатрапа Тиссаферна на Кира Младшего в качестве ответственного лица с персидской стороны за обеспечение взаимодействия со Спартой.

⁴⁰ Lewis D.M. Sparta and Persia. – P. 123ff.

⁴¹ См.: Seager R. The Freedom of the Greeks of Asia: On the Origins of a Concept and the Creation of a Slogan / R. Seager, C.J. Tuplin // The Journal of Hellenic Studies. – 1980. – Vol. 100. – P. 144. – Not. 36; Tuplin C.J. The Treaty of Boiotios / C.J. Tuplin // Achaemenid History / Ed. by Heleen Sancisi-Weerdenburg and Amelie Kuhrt. – Leiden, 1987. – Vol. 2. – P. 133 – 153; Andrewes A. The Spartan Resurgence / A. Andrewes // The Cambridge Ancient History. – 2nd Ed. – Cambridge, 1992. – Vol. 5. – P. 489; Hamilton C.D. Lysander, Agesilaus, Spartan Imperialism and the Greeks of Asia Minor / C.D. Hamilton // The Ancient World. – 1992. – Vol. 23. – № 1. – P. 36.

⁴² Cartledge P. Agesilaos and the Crisis of Sparta / P. Cartledge. – L., 1987. – P. 189 – 190; Keen A.G. Persian Policy in the Aegean, 412 – 386 BC. / A.G. Keen // The Journal of Ancient Civilizations. – 1998. – Vol. 13. – P. 103; Cawkwell G.L. The Greek Wars. – P. 290 – 291.

Лисандр, выбранный навархом, установил тесные личные взаимоотношения с Киром Младшим и добился продолжения персидской помощи Спарте вплоть до решающей победы над Афинами и завершения Пелопоннесской войны (исключая только кратковременный период навархии Калликратида).

Именно в период Пелопоннесской войны закладываются основные аспекты греко-персидских отношений, которые получают развитие в IV в. до н.э.

В четвертой главе «Персия и политическая ситуация в Греции в начале IV в. до н.э.» рассматривается развитие греко-персидских политических отношений от конца Пелопоннесской войны в 404 г. до н.э. и вплоть до заключения так называемого Анталкидова (Царского) мира в 386 г. до н.э.

§ 1 «Роль Персии в консолидации антиспартанского движения в Греции» посвящен событиям спартано-персидской войны 400 – 394 гг. до н.э., проходившей под лозунгом «независимости и свободы» греческих городов Малой Азии. Истоки конфликта Спарты и Персии восходят к двум факторам: во-первых, к спартанской поддержке мятежа Кира Младшего против своего брата, царя Артаксеркса II, обусловленной существованием благожелательных отношений с царевичем в заключительные годы Пелопоннесской войны; во-вторых, осложнением проблемы малоазийских греков, которые, несмотря на их подчиненность персидскому царю, выступили в поддержку мятежа Кира, а затем, после поражения последнего, обратились к спартанцам с просьбой о защите. Между тем, Спарта, победившая Афины при помощи персов, теперь в новой исторической ситуации оказалась в положении единственного гегемона греческого мира с вытекающими отсюда всевозможными последствиями.

После некоторых попыток разрешить возникшую ситуацию дипломатическими средствами, спартанцы осенью 400 г. до н.э. отправили в Малую Азию своим гармостом Фиброна с целью организовать военные действия против персов и обеспечить защиту малоазийских греческих городов. Год спустя, в 399 г. до н.э., Фиброн был сменен Деркилидом, который повел войну против персов под лозунгом «независимости и свободы» греческих городов Малой Азии. Военные действия Фиброна и Деркилида в Малой Азии носили локальный характер. Во-первых, они велись с обеих сторон относительно незначительными силами. Во-вторых, обе враждующие стороны по разным причинам избегали решительных сражений, полагаясь в основном на перемирия. Для Деркилида, например, перемирия с персами были средством защиты малоазийских греческих городов от нападений сатрапов Тиссаферна и Фарнабаза. Персидские же сатрапы, в свою очередь, предпочитали посредством перемирий оградить свои владения от опустошения спартанскими войсками, которые в своем составе имели немало количество наёмников.

Война приняла более динамичный характер лишь с прибытием на театр военных действий молодого спартанского царя Агесилая, который

стремился придать своему походу панэллинский характер и тем самым возродить героический настрой греков, который был присущ участникам Эллинского союза в эпоху Греко-персидских войн. Однако даже Агесилай предпочитал использовать дипломатические средства в тех ситуациях, где, как он считал, они были наиболее эффективными: во-первых, для нейтрализации тех или иных сатрапов, а, во-вторых, для создания антиперсидской коалиции как из местных азиатских народов (мизийцев, пафлагонцев), только номинально подчинявшихся Великому царю или же вовсе независимых от него, так и из склонных к мятежам персидских сатрапов (привлечение на свою сторону Спифридата, переговоры с Фарнабазом). В последний год своего пребывания в Малой Азии (после победы при Сардах весной 395 г.) Агесилай вознамерился поставить под удар внутренние районы Анатолии. Однако, возникновение Коринфской войны в Греции, в которой против Спарты объединились многие греческие государства, помешало осуществлению планов Агесилая.

Встревоженный успешными действиями Агесилая в Малой Азии, царь Артаксеркс II выделил средства на военные нужды и организовал подготовку к продолжению войны против Спарты, в которой дипломатии уделялось едва ли не первостепенное внимание. Между тем, и в Греции постепенно зрело недовольство спартанской гегемонией. Некоторые греческие полисы тайно от спартанцев обратились к персидской поддержке (известна, например, неудачная афинская дипломатическая миссия в Персию в 398/7 г. до н.э.). Между тем, сложившейся ситуацией воспользовались царь и персидские сатрапы. Они, после битвы при Сардах весной 395 г. до н.э., направили в Грецию своего эмиссара Тимократа Родосского, который должен был, используя в своих целях «царское золото», «подкупить» ведущих политических деятелей в греческих полисах (прежде всего, в Фивах, Афинах, Коринфе и Аргосе) и побудить их разжечь войну против Спарты в самой Греции. Расчет был довольно прост: персы полагали, что спартанцы, будучи не в состоянии вести войну на два фронта, прекратят свои военные действия в Малой Азии (как это фактически и произошло). Персидская же победа при Книде в августе 394 г. до н.э. нанесла серьезный удар по военному потенциалу и политическому влиянию спартанцев в Восточном Средиземноморье. В результате этой победы малоазийские греческие полисы вновь перешли под персидскую юрисдикцию, а сами персы установили официальные союзнические отношения с греческими противниками Спарты – участниками Коринфского союза, а также продолжили оказывать им финансовую помощь. Таким образом, персы в немалой степени способствовали возникновению нового военного конфликта в Греции.

В § 2 «*Анталкидов мир в контексте греко-персидских отношений*» рассматриваются события, которые привели к заключению мирного договора, завершившего Коринфскую войну, а также исследуются его основные условия и международные последствия.

В результате военных неудач в борьбе с Персией и Коринфским союзом спартанцы вынуждены были выступить с инициативой мирных переговоров, признав на конференции в Сардах в 393/2 г. до н.э. персидские претензии на контроль над малоазийскими греческими городами. Однако спартанская попытка заключения мира и союза с персами потерпела неудачу прежде всего вследствие согласованных действий участников анти-спартанской коалиции, послы которых в свою очередь впервые предложили заключение договора всеобщего мира на принципах «независимости и свободы» греков. На последующей конференции в Спарте в 392/1 г. до н.э. уже афиняне категорически отказались принять условия мирного договора, которые предусматривали переход под персидскую власть греческих полисов Малой Азии (их афиняне могли рассматривать как традиционную сферу своего влияния).

После провала попыток заключения мирного договора с участием Персии на конференциях в Сардах и Спарте отношения между персами и полисами антиспартанской коалиции заметно ухудшились. Так, в частности, афиняне заключили военные союзы с Эвагором Саламинским и египетским царем Акорисом, которые безусловно отвечали их политическим и экономическим интересам. Однако, оба правителя на тот момент находились в состоянии войны с Артаксерксом, и потому их поддержка афинянами воспринималась персидской стороной как враждебная акция. В такой политической ситуации начались новые спартано-персидские переговоры, которые завершились заключением между государствами военного союза на вечные времена и в конечном итоге привели к согласованию условий Анталкидова мира, полноправным участников которого стал Великий царь Персии.

Этот мирный договор явился своеобразным итогом развития греко-персидских контактов и оформил соответствующим образом ту политическую роль, которую стала играть Персия в межполисных отношениях балканских греков на протяжении нескольких десятилетий. Прежде всего, необходимо постулировать основные отличия этого договора от предшествующих греко-персидских соглашений (Каллиева мира, Эпиликова мирного договора, договоров Спарты и Персии). Во-первых, мы должны принять во внимание первое появление для обозначения договора слова «мир», которое начинает употребляться наряду с другими определениями, обозначавшими прежние двусторонние договоры греческого полиса и Персии. Во-вторых, теперь в договорных отношениях с Великим царем состояло не какое-либо одно греческое государство, как было прежде, но все греческие полисы, присягнувшие на верность соглашению; и потому договор закономерно воспринимался современниками как первое соглашение всеобщего мира в IV в.

Далее, вопреки мнению Э. Бэдиана⁴³, существуют основания считать, что сам Великий царь Персии был непосредственным участником договора с греками и гарантом соблюдения его условий. Положение, согласно которому Артаксерксу должны были принадлежать малоазийские греческие города, решало в пользу персов проблему малоазийских греков, которая долгое время служила камнем преткновения в отношениях Афин, Спарты и Персии. Тем не менее, Анталкидов мир носил во многом компромиссный характер. Он устраивал как персов, которые в 380-е гг. до н.э. вели Кипрскую войну и сосредоточили все усилия на задаче возвращения Египта, так и греков благодаря условию о независимости больших и малых полисов. Безусловно, это условие накладывало определенные ограничения на державные устремления спартанцев, взявших курс на восстановление своей гегемонии в Элладе. И не удивительно, что именно спартанцы, принявшие на себя функцию блюстителей мира, стали первыми из греков периодически нарушать условие договора (предпринимая военные действия против Мантинеи, Флиунта, Олинфа, заключив антиперсидский союз с мятежником Глосом, сыном Тамоса), чем навлекли на себя обвинения в несоблюдении его условий со стороны других греков. И даже афиняне, которые считали этот мир навязанным им спартанцами, в некоторых своих официальных документах выказывали непереносимое уважение к условиям договора (в афинской псефисме о союзе с Хиосом 384/3 г., в декрете об основании Второго Афинского морского союза 378/7 г.).

В заключительной пятой главе **«Роль Персии в межполисных отношениях после Анталкидова мира»** рассматривается последний пятидесятилетний период в развитии греко-персидских отношений.

В § 1 **«Роль Персии в заключении договоров всеобщего мира»** исследуются персидские дипломатические акции, направленные на урегулирование межполисных отношений в период от денонсирования Анталкидова мира в 378/7 г. до н.э. до Великого восстания сатрапов 362/1 г. до н.э.

Вслед за односторонним отказом от соблюдения договора со стороны афинян в Греции разгорелась новая война, в которой принимали участие, с одной стороны афиняне и фиванцы, а с другой, спартанцы и их союзники. Между тем, в 370-е гг. до н.э. международное положение Персидской державы Ахеменидов оставалось достаточно устойчивым. К тому времени персы сумели успешно завершить Кипрскую войну, хотя и продолжали борьбу за возвращение Египта. В этих условиях греко-персидские отношения уже не определялись условиями Анталкидова мира, по которым, как известно, Персия получила известное превосходство над греческими государствами. Поэтому персидский царь Артаксеркс II стремился к возобновлению выгодных для себя условий мирного договора, рассчиты-

⁴³ Badian E. The King's Peace / E. Badian // *Georgica. Greek Studies in Honor of G. Cawkwell / BICS.* – 1991. – Suppl. 58. – P. 37.

вая на сохранение своей роли арбитра в межполисных отношениях Греции. На первых порах эта политика приносила успех. Первые возобновления условий Анталкидова мира состоялись на дипломатических конференциях в Спарте в 375/4 и 372/1 гг. до н.э., в Афинах в 371/0 г. до н.э., инициатором которых был Великий царь Персии.

В 360-е гг. до н.э. ситуация в греко-персидских отношениях решительным образом изменяется. Указанные годы стали временем политической нестабильности для Персии, в течение которого сама целостность государства Ахеменидов оказалась под угрозой из-за многочисленных восстаний как персидских сатрапов, так и племен и народов в ее составе. В это время между греками и Персидской империей Ахеменидов устанавливается подлинное равновесие сил. Прежде всего, постепенно сходит на нет то превосходство, которым обладала Персия над греческими государствами после Анталкидова мира. Почти все дипломатические попытки персов восстановить пошатнувшееся влияние на ход греческих дел оканчиваются безрезультатно (миссия Филиска в Грецию и переговоры в Дельфах в 369/8 г. до н.э., переговоры в Сузах 367/6 г. до н.э., поддержка попеременно спартанцев и фиванцев и т.п.; исключение только – заключение всеобщего мира в 366/5 г. до н.э.).

§ 2 «Греческие полисы между Персией и Македонией» посвящен рассмотрению персидской политики в Греции в период македонской экспансии при Филиппе II и его сыне Александре в 350 – 330-е гг. до н.э.

К концу 360-х гг. до н.э. авторитет персидского царя в греческом мире был уже столь низок, что к заключению всеобщего мира 362/1 г. до н.э. персидская сторона оказалась вовсе не причастной. Для греков же в то время решительно встал вопрос об их отношении к Великому восстанию сатрапов – сохраняют ли они нейтралитет, примут ли сторону царя или же присоединятся к мятежным сатрапам. И здесь отчетливо проявилась позиция каждого из ведущих греческих государств: Спарта официально приняла сторону восставших, Афины предпочли сохранять нейтралитет, а Фивы были на стороне персидского царя. Вообще надо заметить, что в отмеченный период греко-персидские отношения находились в тесной взаимосвязи, так что какие-либо крупные события в одной из частей ойкумены немедленно находили свой отклик в другой. При этом значительную роль играла дипломатия, которая со времени Анталкидова мира и до начала македонской экспансии на Восток оставалась единственным средством осуществления политических контактов.

Поражение Великого восстания сатрапов не покончило с мятежными устремлениями персидских наместников. Новый период дипломатической активности греков и персов начался после 351 г. до н.э., во время организации очередных персидских экспедиций, направленных на возвращение Египта под власть Персии, после нескольких более ранних безуспешных попыток сломить сопротивление египтян. Здесь также отчетливо прояви-

лись расхождения в позициях различных греческих государств: если афиняне и спартанцы официально отказались направить свои контингенты в Персию, то фиванские и аргосские отряды участвовали в персидских кампаниях против Египта.

К концу 340-х гг. до н.э. политика Филиппа II на Балканах принудила греческие полисы приостановить собственные распри и думать не только о сплочении перед возрастающей мощью Македонии, но и о поиске помощи извне. Это приводит к новому повороту в греко-персидских отношениях, который характеризовался, с одной стороны, сближением Персии и греческих противников Македонии (прежде всего, Афин и Фив), а с другой, все возрастающей враждой Персии и Македонии. Новый раунд греко-персидского дипломатического взаимодействия не прекратился даже с поражением при Херонее и возникновением Коринфского союза. И только крушение Персидской державы Ахеменидов в ходе восточного похода Александра Македонского поставило точку в более чем двухсотлетней истории греко-персидских отношений.

В заключении приводятся основные выводы работы. Так, представляется вполне определенным, что взаимоотношения греков и Персии отражалось самым непосредственным образом на политической ситуации в самой Греции и оказывало влияние на различные стороны общественно-политической жизни греков.

Прежде всего, как это вполне очевидно, процесс дипломатического сближения греческого мира и Персии был фактически неизбежен. Это было обусловлено самим фактом двухвекового естественного соседства греков и Ахеменидской державы. Как греки, так и персидский царь и сатрапы, безусловно, проявляли взаимный интерес к такого рода контактам, о чем, например, свидетельствует довольно интенсивный обмен дипломатическими миссиями с середины VI по середину IV в. до н.э.

Начальный период греко-персидских дипломатических отношений начинается с возникновения Персидской державы в середине VI в. до н.э. и продолжается фактически до первых походов персов против балканских греков в 492 и 490 гг. до н.э.

Этот период характеризуется тем, что персидские монархи, проводившие в тот период активную завоевательную политику, в отношениях с греками, даже на дипломатическом поприще, всегда стремятся выступать с позиций силы, как о том свидетельствуют самые первые контакты (с малоазийскими греками, Спартой и Афинами, с другими греческими полисами посредством миссий глашатаев с требованием земли и воды как символов покорности). Однако отсутствие до определенного момента непосредственной угрозы Балканской Греции со стороны персов во многом объясняет довольно осторожную и в ряде случаев непоследовательную политику Афин и Спарты.

Причем, если спартанцы, первоначально заявившие о себе как о враге Персии, стремятся в дальнейшем избегать осложнения отношений с этой самой могущественной на тот момент державой Востока, то афиняне проделали обратную эволюцию: после неудачных попыток заключить союз с персами на выгодных для себя условиях, афиняне все более втягиваются в войну с Персией, выражением которой был неудачный поход Мардония против Греции в 492 г. до н.э. и битва при Марафоне.

В период наиболее ожесточенной конфронтации ряда греческих полисов с Персией – Греко-персидских войн имели место оживленные дипломатические контакты, которые со стороны персов были направлены на поиск союзников в Греции (в том числе и при помощи «дипломатии золота»), а со стороны эллинов – на поиск мирного урегулирования конфликта (деятельность спартиата Павсания, дипломатическая миссия Каллия). В этой политической ситуации налицо проявились различия в подходах к отношениям с Персией среди различных греческих государств: одни покорились под угрозой военной силы (острова, многие племена Средней Греции), для других покорность персам был вполне осознанным выбором (правлящие круги Фессалии, Фив, Аргоса), третьи – выбрали путь сопротивления персам; однако, даже среди последних «степень вражды» к персам была далеко не одинакова (наиболее явственно она проявляется у афинян, и в гораздо меньшей степени – у спартанцев). И эти различные подходы на десятилетия определили характер дипломатических контактов тех или иных греческих полисов с персами. Каллиев мир 449 г. до н.э. завершает период военных действий между Афинами и Персией.

Пелопоннесская война способствовала дальнейшему укреплению греко-персидских отношений, которые проявились в том, что Персия перестает быть индифферентной по отношению к политической жизни в Балканской Греции. Именно этот конфликт, принявший невиданный прежде в греческой истории размах, вынуждал греков, и прежде всего афинян и спартанцев, обратиться к помощи и ресурсам Персии.

В своей политике в этот период Афины и Спарта представляли собой два крупных военно-политических блока (Афинский морской союз и Пелопоннесский союз соответственно). Поэтому договоры, заключенные этими государствами, имели более весомое политическое значение, чем, например, те, которые заключал с персами какой-либо отдельный греческий полис (в частности, Аргос, проводивший самостоятельную политику к Персии и связанный традиционной дружбой с персидским царем).

Важным шагом на пути к укреплению греко-персидских отношений был Эпиликов мирный договор между Афинами и Персией в конце 420-х гг. до н.э. Этот договор, установивший «вечную дружбу» афинян с персидским царем, показал, что афиняне впервые со времени Греко-персидских войн выбрали политику сотрудничества со своим прежним врагом – Персидской державой. Эпиликов мирный договор не имел про-

должительного действия, поскольку не устранял противоречий, существовавших между Афинами и Персией, почему его последствия не смогли реализоваться в полной мере. Но он наметил основные подходы к сближению эллинов и персов и послужил примером для противников Афин и, прежде всего, для Спарты.

Именно Спарта на заключительном этапе Пелопоннесской войны развернула активную деятельность по установлению договорных отношений с Персией и последовательно заключила в 412 – 411 гг. до н.э. несколько соглашений с персидским царем и сатрапами (договоры Халкидея, Феримена и Лихаса). Внутреннее содержание договоров Спарты и Персии показывает, что спартанцы в поисках персидской военной и финансовой помощи готовы были пойти навстречу ряду персидских требований и выступить гарантом соблюдения интересов Персии в Малой Азии и Эгеиде. Наблюдается тенденция к возникновению среди государств Греции, несущих значительные расходы в войне, некоторой зависимости от персидского золота.

Поражение Афин в Пелопоннесской войне в 404 г. до н.э. завершает определенный этап борьбы за гегемонию в Греции. Спарта, взяв на себя роль гегемона греческого мира, вступила в непосредственный конфликт со своим бывшим союзником Персией, вылившийся в шестилетнюю спартано-персидскую войну. В начальный период войны особое значение получает проблема малоазийских греков. В разные периоды развития греко-персидских отношений интересы малоазийского эллинства были противоречивы: лавирование между Афинами и Спартой, обращение к помощи персов в борьбе с гегемонией одной из ведущих держав греческого мира, проведение политики, направленной на обеспечение собственной независимости.

Дипломатические переговоры периода Коринфской войны 394 – 386 гг. до н.э. показывают, что греки под давлением обстоятельств начинают воспринимать Персию в качестве посредника в урегулировании межполисных конфликтов. В этот период двусторонние переговоры, характерные для греческой дипломатии по отношению к Персии в V в. до н.э., начинают перерастать в конференции враждующих государств, проходившие при участии персидской стороны или непосредственно инициированные персами. В этих переговорах принимали участие как спартанцы, так и противники Спарты по Коринфской коалиции – Афины, Фивы, Аргос и Коринф. По условиям Анталкидова мира, греки вынуждены были доверить персидскому царю право выступать в качестве гаранта соблюдения мирного договора. Анталкидов мир был важным дипломатическим успехом Персии в отношениях с греками.

В период после заключения Анталкидова мира и до Коринфского конгресса 338 г. до н.э. персы стремятся оказывать влияние на политическую жизнь греков. В этой ситуации эллины, нуждаясь в финансовых и во-

енных ресурсах Персии, сознательно допускают участие царя и сатрапов в межполисных конфликтах IV в. до н.э. — либо как союзников одного из греческих государств (афинян, спартанцев или фиванцев), либо же в роли третейского судьи в делах греков (роль царя в возобновлении условий Анталькидова мира). Наконец, перед лицом македонской угрозы для противников укрепления гегемонии Филиппа II в греческом мире было вполне естественным обратиться за поддержкой к Персии.

В то же время, обращает на себя внимание, что политика двух ведущих греческих полисов (Афин и Спарты) в адрес Персии отличалась определенной непоследовательностью, и за дипломатическим сближением следовали осложнения в отношениях. Отчасти они были связаны со вмешательством греков во внутренние дела Персидской державы, и это вмешательство равным образом было традиционно присуще как Афинам (свидетельством чему является в прошлом открытая поддержка Ионийского восстания, мятежей Инара и Амиртея в Египте, выступлений Зопира — сына Мегабиза и Аморга — сына Писсуфна, войны Эвагора Саламинского и др.), так и Спарте (военная поддержка выступления Кира Младшего и Великого восстания сатрапов).

Основная же причина этой непоследовательности афинян и спартанцев, как представляется, была идеологического свойства: эхо Греко-персидских войн, способствовавших росту панэллинской сплоченности и возникновению эллино-варварской поляризации в общественном сознании греков, периодически давало о себе знать при обсуждении и принятии решений в отношении политики к Персии, и влияло на позицию как основной массы граждан, так и ведущих политических деятелей в Афинах и Спарте по «персидскому вопросу».

В то же время, даже сами явления греко-персидского сотрудничества несомненно должны были вызывать протесты представителей греческой интеллектуальной и политической элиты и во многом способствовать зарождению в конце V — середине IV в. до н.э. идеологической доктрины панэллинизма — концепции, согласно которой греки должны были примириться и выступить единым фронтом «в походе возмездия» против раздираемой мятежами Персидской державы. Хотя идеология не всегда была адекватна политической реальности, идеи панэллинизма, безусловно, стали реальным руководством к действию в обосновании своей войны против Персии для ряда выдающихся политических деятелей Эллады IV в. до н.э. — Агесилая, Филиппа II, а также и Александра Македонского.

Персидские цари и сатрапы, в свою очередь, реагировали на частые изменения в политике греков в отношении Персии проведением соответствующего внешнеполитического курса, направленного на то, чтобы, как считали уже современники, уравновешивать греков и истощать их во время их межполисных конфликтов, попеременно поддерживая то одну, то другую противоборствующую сторону. Конечно, после заключения

Каллиева мира 449/8 г. до н.э. на повестке дня в персидской внешней политике уже не стоял вопрос о политическом подчинении греческого мира; тем не менее, персы в отношениях с греками стремятся отстаивать свои интересы, которые сводились как минимум к возвращению под власть Ахеменидов греческих полисов Малой Азии, из-за чего проблема малоазиатских греков, которая стала одной из ключевых в греко-персидских отношениях с момента крушения Лидийского царства, особенно обостряется в конце V – начале IV вв., и, наконец, находит свое дипломатическое разрешение в условиях Анталкидова мира.

Восточный поход Александра Македонского привел к крушению Ахеменидской державы и естественным образом подвел черту под двухвековой историей греко-персидских отношений. Еще раз подчеркнем, историю этих отношений не следует рассматривать только лишь с позиции постоянного противостояния и противоборства греков и Персии, Запада и Востока, свободы и деспотизма. Военные конфликты сменялись периодами мирного сосуществования и взаимной дипломатической активности, но даже в период наиболее значительного из конфликтов – Греко-персидских войн, позиции греческих полисов значительно расходились между собой по вопросу об отношении к Персии. Но остается несомненным: вопрос об отношении к Персии оставался постоянно на повестке дня греков в течение более двух столетий – от возникновения собственно Ахеменидской державы до ее крушения.

Наконец, следует отметить, что роль Персии в политической жизни Греции не оставалась неизменной и проделала определенную эволюцию. На первом этапе, в 550 – 479 гг. до н.э. персы стремились к политическому подчинению греческого мира и греки вынуждены были адекватно реагировать на эти персидские устремления; на втором этапе, в 479 – 386 гг. до н.э. Персия стремилась выступать в качестве «третьей силы» в межполисных конфликтах, попеременно оказывая поддержку одной из противоборствующих сторон; и, наконец, в 386 – 334 гг. персидские цари и сатрапы чаще всего стремились выступать в качестве арбитра греческих дел, намереваясь поддерживать стабильные отношения со всеми заинтересованными сторонами.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

а) Монография

1. Рунг Э.В. Греция и Ахеменидская держава: История дипломатических отношений в VI – IV вв. до н.э. / Э.В. Рунг. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. – 472 с. [29,5 п.л.]

б) Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных результатов диссертационных исследований

2. Рунг Э.В. Эпиликов мирный договор / Э.В. Рунг // Вестник древней истории. – М.: «Наука», 2000. – № 3. – С. 85 – 96 [1,2 п.л.].

3. Рунг Э.В. Феномен мидизма в политической жизни классической Греции / Э.В. Рунг // Вестник древней истории. – М.: «Наука», 2005. – № 3. – С. 14 – 35 [2 п.л.].

4. Рунг Э.В. Пребывание греческих послов в Ахеменидской державе / Э.В. Рунг // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. – Т. 148. Кн. 4. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2006. – С. 120 – 128 [0,7 п.л.].

5. Рунг Э.В. Практика предоставления земли и воды в греко-персидских отношениях / Э.В. Рунг // Вестник древней истории. – М.: «Наука», 2007. – № 4. – С. 3 – 26 [2,2 п.л.].

6. Рунг Э.В. Греко-персидские войны в поэтической традиции греков: От Симонида Кеосского до Эсхила / Э.В. Рунг // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. История. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2007. – Вып. 4. – С. 149 – 158 [1 п.л.].

7. Рунг Э.В. Афины и персидский сатрап Оронт / Э.В. Рунг // Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. 17. – Москва; Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского гос. ун-та, 2007. – С. 196 – 202 [0,6 п.л.].

8. Рунг Э.В. О новой парадигме исследования греко-персидских отношений в историографии / Э.В. Рунг // Ученые записки Казанского государственного университета. – Т. 150. Вып. 1. – Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2008. – С. 234 – 240 [0,5 п.л.].

9. Рунг Э.В. Анталкидов мир / Э.В. Рунг // Вестник древней истории. – М.: «Наука», 2008. – № 3. – С. 23 – 48 [2,5 п.л.].

в) Публикации в зарубежных изданиях

10. Rung E. Xenophon, the Oxyrhynchus Historian and the Mission of Timocrates to Greece / Э.В. Рунг // Xenophon and His World / Ed. by C.J. Tuplin / Historia. Einzelschrift. Ht. 172. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2004. – P. 413 – 425 [1 п.л.].

11. *Rung E. Diplomacy of Classical Greece and the Inscriptions* / Э.В. Рунг // *Acts of the 13th International Congress of Greek and Latin Epigraphy / Summary Papers.* – Oxford, 2007. – P. 23 [0,05 п.л.].

12. *Rung E. War, Peace and Diplomacy in Graeco-Persian Relations from VIth to IVth century BC.* / Э.В. Рунг // *War and Peace in Ancient and Medieval History* / Ed. by Ph. de Souza and J. France. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – P. 28 – 50 [1,5 п.л.].

г) Статьи в сборниках научных трудов

13. *Рунг Э.В. Элейский образ жизни* / Э.В. Рунг // *Античный вестник / Сборник научных трудов.* – Вып. 2. – Омск, 1994. – С. 91 – 101 [0,9 п.л.].

14. *Рунг Э.В. Спарта и проблема малоазийских греков* / Э.В. Рунг // *Античный вестник / Сборник научных трудов.* – Вып.3. – Омск, 1995. С. 114 – 120 [0,7 п.л.].

15. *Рунг Э.В. Персидская дипломатия в начале IV в. до н.э.: миссия Тимократа Родосского в Грецию* / Э.В. Рунг // *Античность: миры и образы / Сборник статей.* – Казань, 1997. – С.8 – 15 [1 п.л.].

16. *Рунг Э.В. Оксиринхский историк о сражении при Эфесе в 409 г. до н.э.* / Э.В. Рунг // *Античность: политика и культура / Сборник статей.* – Казань, 1998. – С. 20 – 28 [0,8 п.л.].

17. *Рунг Э.В. Античные историки о происхождении и родственных связях Тиссаферна* / Э.В. Рунг // *Античность: события и исследователи / Сборник статей.* – Казань, 1999. – С. 60 – 67 [0,7 п.л.].

18. *Рунг Э.В. Некоторые аспекты предоставления проксении Стратону, царю Сидона (К интерпретации IG. II² 141=Tod. II, 139)* / Э.В. Рунг // *Античность: эпоха и люди / Сборник статей.* – Казань, 2000. – С.28 – 38 [1 п.л.].

19. *Рунг Э.В. Договор Беотия* / Э.В. Рунг // *Международные отношения и дипломатия в античности / Учебно-методический комплекс.* – Ч. 1. – Казань, 2000. – С. 113 – 135 [1,7 п.л.].

20. *Рунг Э.В. Филиск – правитель на Геллеспонте* / Э.В. Рунг // *Античность: общество и идеи / Сборник статей.* – Казань, 2001. – С. 46 – 62 [1,3 п.л.].

21. *Рунг Э.В. Дипломатические отношения греков и Персии в 370 – 343 гг. до н.э.* / Э.В. Рунг // *Международные отношения и дипломатия в античности / Учебно-методический комплекс.* – Ч. 2. – Казань, 2002. – С. 114 – 140 [2 п.л.].

22. *Рунг Э.В. Миссия Арфмия Зелейского в Грецию* / Э.В. Рунг // *MNHMA / Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора В.Д. Жигунина.* – Казань, 2002. – С. 169 – 182 [1 п.л.].

23. *Рунг Э.В. «Неофициальная дипломатия» во внешней политике Персии по отношению к грекам* / Э.В. Рунг // *Историки в поиске новых смыслов / Сборник научных статей и сообщений участников Всероссий-*

ской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана и 60-летию со дня рождения профессора В.Д. Жигунина 7 – 9 октября 2003. – Казань, 2003. – С. 217 – 225 [0,9 п.л.].

24. Рунг Э.В. Традиция восприятия Греко-персидских войн как мидийских в V – IV вв. до н.э. / Э.В. Рунг // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. – Вып. 3. – СПб., 2004. – С. 71 – 82 [0,5 п.л.].

25. Рунг Э.В. Проблемы древней истории в творчестве К. Таплина / Э.В. Рунг // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. – Вып. 3. – СПб., 2004. – С. 465 – 474 [0,5 п.л.].

26. Рунг Э.В. К проблеме происхождения греческой концепции варварства / Э.В. Рунг // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство / Сборник научных статей и сообщений. – Казань, 2005. – С. 359 – 368 [0,6 п.л.].

27. Рунг Э.В. Афины и мятеж Аморга / Э.В. Рунг // *Studia historica* / Сборник статей. – М., 2005. – Вып. 5. – С. 23 – 36 [1 п.л.].

28. Рунг Э.В. Представление персов как варваров в греческой литературной традиции V в. до н.э. / Э.В. Рунг // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. – Вып. 4. – СПб., 2005. – С. 125 – 166 [2,3 п.л.].

29. Рунг Э.В. Неофициальная дипломатия Персии и роль персидского золота в греко-персидских межгосударственных отношениях / Э.В. Рунг // Античный мир и археология / Межвузовский сборник научных трудов. – Саратов, 2006. – Вып. 12. – С. 66 – 77 [0,9 п.л.].

30. Рунг Э.В. Персидская политическая пропаганда в греческом мире в V – IV вв. до н.э. / Э.В. Рунг, М.М. Холод // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. – СПб., 2006. – Вып. 5. – С. 27 – 66 (авторский вклад – С. 29 – 55 – 1,8 п.л.).

31. Рунг Э.В. Мидизм в период Греко-персидских войн: К вопросу о наказании сторонников персов в Греции в 480–479 гг. до н.э. / Э.В. Рунг // *Antiquitas Aeterna* / Поволжский антиковедческий журнал. – Казань; Саратов; Н. Новгород, 2007. – Вып. 2. – С. 256 – 272 [1,4 п.л.].

32. Рунг Э.В. Мегабиз, Зопир и Афины: Из истории греко-персидских отношений в период пентеконтаэтии / Э.В. Рунг // Из истории античного общества / Сборник научных трудов. – Н. Новгород, 2007. – С. 217 – 229 [0,8 п.л.].

33. Рунг Э.В. Дипломатическое выражение персидского империализма: Персидские требования земли и воды / Э.В. Рунг // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. – СПб., 2007. – Вып. 6. – С. 41 – 60 [1,1 п.л.].

34. Рунг Э.В. Ранние греческие тираны и персы / Э.В. Рунг // История: мир прошлого в современном освещении / Сборник научных статей к

75-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / Под ред. проф. А.Ю. Дворниченко. – СПб., 2008. – С. 83 – 114 [2 п.л.].

35. Рунг Э.В. Панэллинская лига 481/0 г. до н.э. / Э.В. Рунг // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. – СПб., 2008. – Вып. 7. – С. 23 – 46 [1,5 п.л.]

д) Тезисы и доклады конференций

36. Рунг Э.В. Тайная дипломатия накануне Коринфской войны 395 – 386 гг. до н.э. / Э.В. Рунг // Проблемы материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран. Всероссийская студенческая конференция 30 – 31 марта 1995 г. / Тезисы докладов. – Сыктывкар, 1995. – С. 14 – 15 [0,1 п.л.].

37. Рунг Э.В. Некоторые новые подходы к истории греко-персидских отношений / Э.В. Рунг // II Республиканская научная конференция молодых ученых и специалистов / Тезисы докладов. – Кн.6. – Казань, 1996. – С. 60 [0,1 п.л.].

38. Рунг Э.В. К истокам современных международных отношений (на примере греко-персидских отношений V – IV вв. до н.э.) / Э.В. Рунг // Античный мир и его судьбы в последующие века / Доклады конференции. – М., 1996. – С. 34 – 42 [0,8 п.л.].

39. Рунг Э.В. Агесилай в Малой Азии (396–394 гг. до н.э.) / Э.В. Рунг // Античность: История и историки / Материалы круглого стола «Изучение античного мира в зависимости от успехов науки и просвещения» 17 февраля 1997 г. – Казань, 1997. – С. 63 – 75 [1,3 п.л.].

40. Рунг Э.В. К вопросу о статусе Ионии в системе сатрапий Персидской державы в конце V – начале IV вв. до н.э. / Э.В. Рунг // Власть, человек, общество в античном мире / Доклады конференций 1996 и 1997 гг. – М., 1997. – С. 108 – 116 [0,8 п.л.].

41. Рунг Э.В. Проблемы датировки посольства Каллия в Персию / Э.В. Рунг // Античность в современном измерении / Тезисы докладов всероссийской научной конференции. – Казань, 2001. – С. 134 – 136 [0,3 п.л.].

42. Рунг Э.В. Персидские требования земли и воды и позиция греков / Э.В. Рунг // Историческое знание: Теоретические основания и коммуникативные практики / Материалы научной конференции 5 – 7 октября 2006 г. – М., 2006. – С. 338 – 341 [0,4 п.л.].

43. Рунг Э.В. Патриотизм и толерантность в античной Греции: их возникновение и эволюция / Э.В. Рунг // Роль истории в формировании патриотизма и толерантности / Материалы всероссийской научно-практической конференции, 31 октября – 2 ноября 2007 г. – Казань, 2007. – С. 316 – 321 [0,4 п.л.].

Подписано в печать 11.12.2008 г.
Формат 60 x 84 1/16. Печать ризографическая.
Печ. л. 2,5. Тираж 150 экз. Заказ 16/12

420008, ул. Профессора Нужина, 1/37
тел.: 231-53-59, 292-65-60